
В. В. ЛАПКИН

В ПРЕДДВЕРИИ СИНГУЛЯРНОСТИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

В статье ставится проблема преодоления текущего затяжного кризиса мирового порядка, анализируются эмпирические особенности этого кризиса, а также эвристические возможности современной политической теории и теории международных отношений, которые могли бы способствовать более глубокому пониманию его природы и выявлению «точек роста» новых форм консолидации основных субъектов мирового развития. В качестве методологической основы анализа и прогнозирования автор использует разрабатываемую им совместно с В. И. Пантиним теорию эволюционных циклов развития мировой политической и социально-экономической системы. Автором подробно анализируется симбиотическая природа «новых держав», явно или латентно бросающих вызов мировому гегемону, в том числе на поприще торговли, технологии и финансов. Выдвигается гипотеза о возможном содержании выстраиваемой ими системы отношений, претендующей стать образцом альтернативного существующему сегодня миропорядку.

Ключевые слова: модернизация, глобализация, универсализм, культура, цивилизация, нация-государство, империя, мир-система, стратегия развития, государственная несостоятельность, методологический национализм, космополитическая перспектива, циклы Кондратьева, циклы гегемонии, эволюционные циклы, нелинейность развития, *Rex Americana*, теория действия Т. Парсонса, гражданская консолидация.

Проблема кризиса миропорядка. Эмпирические констатации и неэффективность их теоретической интерпретации

Интенсификация современных политических процессов – как на внутривосточном, так и на международном уровнях – порождает эмпирически фиксируемые эффекты диверсификации политических практик и политико-институциональных форм, выявляя фундаментальную неоднородность политической среды современного глобального мира, глубокий кризис сложившегося миропорядка¹.

¹ К злободневной теме кризиса и назревающей трансформации мирового порядка журнал «История и современность» обращается, разумеется, не впервые. Из последних публикаций обра-

Прежде – в течение почти всего шестидесятилетнего послевоенного периода, 1945–2005 гг., – большинство эмпирически наблюдаемых отклонений от линейного политического развития (войн, политических переворотов и локальных революций) удавалось так или иначе концептуализировать в качестве девиаций, несколько не подвергающих сомнению общую прогрессивную тенденцию.

Существовали эффективные методы теоретического «преодоления» разного рода нелинейных искажений общего прогрессивного тренда, в том числе и весьма значительных. Наиболее востребованный среди них – метод линеаризации этих «отклонений» и включения их в тот или иной глобальный мегатренд (деколониализации, демократизации, модернизации, национально-освободительной борьбы, строительства социализма, наконец, и т. п.). Процессы модернизации и глобализации, повсеместного распространения практик коммерциализации представлялись общим, единообразным и универсальным императивом для любых стран и регионов, независимо от уровня их развития и культурно-цивилизационных особенностей формирующих их сообществ.

Но буквально на наших глазах происходят разительные изменения (формальной, конвенционально признанной датой вступления мира в период этой кризисной дестабилизации можно считать осень 2008 г.). В мире *на фоне сохраняющегося модернизационного и универсалистского² целеполагания*, а также постепенного смещения центров экономической активности из условного «североатлантического» в условный «тихоокеанский» регион нарастает *многобразие* различных ожесточенно конкурирующих *версий реализации* этого императива, *различных стратегий модернизации* (см.,

тим внимание на работу Л. Е. Гринина (2016; см. также: Гринин 2015). Данная статья продолжает анализ этой темы с несколько иных, во многом полемических позиций, автор в ней настаивает на необходимости критического отношения ко многим фундаментальным понятиям (таким как нация, государство, империя, глобализация, мировой рынок) современного дискурса наук об обществе.

² Представления об универсализме как определенном методологическом принципе концептуализации организационных форм современности, альтернативном разного рода партикулярностям (национализму, локализму, культурализму и т. д.), разрабатывались, в частности, У. Беком, который продвигал концепцию космополитизации в качестве «синтеза... и преодоления дуализма между универсализмом и партикуляризмом, интернационализмом и национализмом, между глобализацией и локализацией...» (Бек 2012: 56). Тем самым выявлялось напряженное диалектическое единство универсалистско-партикуляристского континуума современности. Отметим вместе с тем, что само понятие универсализма тесно связано с представлениями об особых культурно-цивилизационных основах современного коммерциализированного общества (см.: Лапкин 2012: 34, 35, 39, 41–43, 47, 49).

например: Мартыянов 2010) и *продвижения к глобальному мироустройству*. События последних лет существенно затрудняют любые попытки интерпретировать их в логике какой-либо из уже известных мегатенденций. В этих событиях различимы и органично переплетены модернистские, глобалистские, либерально-демократические, консервативные, националистические, фундаменталистские и целый ряд иных тенденций, развивающихся и взаимодействующих с лавинообразной, взрывной, напоминающей цепные реакции динамикой. Эти события претендуют на порождение особых, неизвестных дотоле мегатрендов, ломающих привычную повестку дня политического развития стран не только так называемой *мировой периферии*, но и так называемого *благополучного Севера*. В числе их отличительных особенностей – качество, присущее многим нелинейным системам, когда малые события порождают принципиально непредсказуемые и непропорционально грандиозные последствия (в качестве очевидных примеров такого рода новых мегатрендов приведем череду «цветных революций», порою способных сокрушить дотоле вполне устойчивые режимы, или попытки фундаменталистских сил сформировать свою особую государственность, бросая вызов всему мировому сообществу).

Нелинейные эффекты в экономической и международной политике сегодня не только претендуют на роль основных медийных новостей, но и становятся их главным содержанием, формирующим и обновляющим текущую повестку мирового развития. Еще одно важное измерение нелинейности обусловлено сегодня повсеместным сокращением потенциала политического компромисса. Во внутренней и международной политике во взаимоотношениях все возрастающего числа ключевых политических акторов усиливается склонность к игре на обострение. Отметим в связи с этим рост на фоне Брексита политической конфликтности в условиях финансово-экономического и организационно-политического кризиса в ЕС. Обратим внимание и на ближневосточный государственно-политический и военно-стратегический кризис, а также на украинский политико-культурный кризис, ставший поводом фундаментального геополитического раскола современного мира... Нелинейные процессы и эксцессы радикализации в политике становятся элементом повседневности.

Политические расколы характеризуют не только ситуацию в международной политике. Здесь странам Запада (США, их ближайшим союзникам, а также государствам, всецело следующим

в фарватере американской политики и зависимым от них в вопросах финансирования и безопасности) все чаще оппонируют крупные региональные державы, неприятие которых Западом в качестве равноправных партнеров оказывается ключевым препятствием на пути их дальнейшего развития. Вместе с тем политически и ментально расколотым сегодня предстает и само западное общество, где либертаристской версии глобализма все чаще противостоит антиглобалистский консерватизм.

На этом фоне резко возросший в последние годы градус межгосударственной и внутривнутриполитической конфликтности диагностирует критически усилившуюся диверсификацию стратегий активных политических игроков современного мира, причем не только национально-государственного уровня, традиционно приоритетного в политическом анализе, но и наднационального и субнационального уровней. Но в отличие от прежних кризисных эпох (что критически важно) речь идет не о борьбе «прогрессивных сил» во главе с мировым лидером, ведущим центром капиталистической мир-экономики, с «силами регресса», стремящимися повернуть мировое развитие в «исторический тупик» (олицетворяемый, например, национал-социализмом, коммунизмом или радикальным фундаментализмом). Модель единого, исторически локализованного на Западе центра мировой системы все более не соответствует задаче описания происходящего. Практически *на всех уровнях* – и на локальном, и на региональном, и на глобальном – в эпицентре конфликта оказывается стремление *не противопоставить универсализму авторитарную стратегию развития, но диверсифицировать универсализм*. Иными словами, продвинуть свою версию (или, по крайней мере, свою «аранжировку») претендующего на всеобщность (сегодня – по крайней мере в региональном масштабе) проекта универсалистского мироустройства, наиболее соответствующую стратегическим интересам того или иного политического сообщества, – не подвергая сомнению фундаментальный факт глобальной связности современного мира, а также императив его динамического преобразования³. В ходе этих быстротекущих перемен складывается и по-

³ Даже в Ближневосточном регионе, одном из наиболее проблематичных сегодня с точки зрения интеграции в универсалистскую среду современного глобального мира, мы наблюдаем ярко выраженное стремление (по крайней мере, со стороны наиболее амбициозных держав этого региона – Саудовской Аравии, Турции и Ирана) распространить свое влияние далеко за пределы своих границ, более того, активно влиять на мировые финансовые и энергетические рынки, а также продвигать в Европе и Америке ценности ислама (в том числе и радикального);

стоянно реконфигурируется *глобальное пространство социокультурной коммуникации*, наполняясь новым содержанием, новыми элементами структурного усложнения. При этом администрирование и координация в рамках этого пространства во все возрастающей степени осуществляются сегодня сетевыми структурами мирового рынка.

Одним из наиболее знаковых трендов этой трансформации оказывается кризис национального государства. В условиях современной глобализации, роста людской мобильности и бурного развития сетевых коммуникаций, кардинально преобразующих представления человека о своем месте в мире, образ «классического» национально-территориального государства размывается, теряя былое нормативное значение и свою привлекательность в качестве объекта идентификации. Национальные ценности девальвируются, что способствует резкому усилению значимости (а в определенном смысле – возрождению) других, прежде «вторичных», дополнительных ценностных систем и идеалтипических идентификационных моделей – этнической, религиозно-конфессиональной, цивилизационной и т. п. природы. Понятие *национального* драматически расщепляется и в зависимости от контекста может прочитываться как атрибут государства-нации или же наполняться этническими и даже примордиальными коннотациями. На этом фоне развитие получают процессы постиндустриальной глобализации, сопровождающиеся своего рода эрозией прежде универсальной модели национально-территориального государства и требующие новых институциональных форм организации мирового сообщества, в том числе – с самым широким участием субъектов мировой политики и мировой экономики, организованных преимущественно по сетевому, а не по территориальному принципу.

**Симптомы и предпосылки предстоящей трансформации:
постановка исследовательской проблемы**

Обратим внимание на уже вполне очевидные сегодня симптомы кризиса модели национального государства – крушение Ялтинской системы и глубочайший кризис фундаментальных рамочных положений Вестфальской системы. Национальное государство оттесняется с позиции доминирующей модели организации соци-

инными словами, преодолевать региональные форматы и становиться актором глобальной политики.

альной жизни и политического взаимодействия между различными социально-экономическими сообществами (как это было в период с середины XVII до конца XX в.); повсеместно распространяются синдромы *государственной несостоятельности, сепаратизма, сепцессионистских инициатив* и прочее (см., например: Гринин 2005; Ильин, Кудряшова 2008; 2011; Ильин 2008; Мельвиль и др. 2012; Токарев 2017)⁴.

При этом в границах исследовательского мейнстрима (в рамках как политической теории, так и теории международных отношений) нет адекватной концептуальной основы, позволяющей осмыслить существо и перспективы происходящих преобразований. Многочисленные попытки спрогнозировать контуры будущего мирового порядка на основе базовых понятий эпохи суверенных национальных государств разбиваются о нетривиальность исторического процесса, наполняющего динамически меняющуюся реальность все новыми и новыми смыслами, значениями и действующими субъектами.

Налицо очевидный и поражающий своей глубиной кризис наших представлений об обществе и его политическом устройстве (прежде всего о современном, глобализирующемся обществе, в котором все мы живем), о принципах, практиках, институциональных основаниях, которые обеспечивают его интеграцию, а также его экономическое и политическое бытие. «Не стал ли господствующий тип социального анализа – будь он структуралистским, интеракционистским, марксистским, основанным на “критической теории” или теории систем – сегодня устаревшим и провинциальным? *Устаревшим* потому, что он исключает очевидное, а именно, парадигматический сдвиг в современном обществе и политике. *Провинциальным* – потому, что он неправоммерно абсолютизирует специфический опыт и ожидания модернизации Западной Европы и Америки, искажая тем самым социологический факт их партикулярности...», – задается по сути риторическим вопросом У. Бек

⁴ В последнее десятилетие на фоне энергичных попыток преодолеть «полосу глобального кризиса» в ряде стран наметилось стремление повернуть вспять тренд утраты национального суверенитета и ослабления государственного контроля над внутривнутриполитическими процессами (в Европе это прежде всего Венгрия, Польша и Великобритания, в других частях света – многочисленные «региональные державы»). Но все они по-прежнему включены в наднациональные структуры мирового рынка и решающим образом зависимы от них. Более того, характер мотивов восстановления суверенитета и укрепления государства практически во всех этих случаях (данной теме посвящен заключительный раздел настоящей статьи) ясно указывает на иную природу такого политического целеполагания, несводимую к классическим характеристикам *nation-state*.

(2012: 44–45). И отвечая, противопоставляет «методологическому национализму», сводящему «современное общество к обществу, организованному как территориально ограниченное национальное государство», подход, формируемый *космополитической перспективой* глобализационных процессов (Бек 2012: 45). В этом новом «космополитическом пространстве», теперь уже на глобальном, наднациональном уровне на повестку современного развития встают проблемы преодоления несправедливости, признания легитимных интересов других, обеспечения прав доступа к критически значимым ресурсам развития всем без исключения политическим сообществам современного мира и т. п.

Параллельно на смену политическим институтам национального государства и системы межгосударственных (международных) отношений приходят неинституциональные формы организации транснациональных сообществ и координации мирового порядка. В их основе – системно организованные сетевые взаимодействия глобальной мир-экономики, выстроенные на принципах *автономии* в отношении международного (санкционированного сообществом национальных государств) права и, соответственно, *экстратерриториальности*.

Они отчасти замещают, отчасти вытесняют и упраздняют отдельные базовые элементы прежнего миропорядка, такие как государственный суверенитет и монопольное право государства на применение насилия на подконтрольной территории, диктуя территориально локализованным сообществам – вплоть до формально суверенных национальных государств – нормы и ценности, характеризующие наднациональные сообщества, навязывая практики выработанного ими правопорядка. А сохраняющиеся институты государства и межгосударственных отношений используются в этих процессах как дополнительный инструмент дисциплинирования и подчинения интегрируемых сообществ новому мировому порядку.

Эта новая поствестфальская сетевая система мировых связей если и может быть охарактеризована институционально, то ее институты принципиально латентны, скрыты от общества и ему неподконтрольны. По крайней мере, если речь не идет о так называемом *глобальном гражданском обществе* и до тех пор, пока его наличие и зримое присутствие в политической жизни не станет самоочевидным фактом. Или же пока ведущий тренд эволюции глобальной мир-экономики кардинально не поменяется и движение к единой и универсальной, контролируемой из одного центра *Им-*

перии не сменится движением к конкурентной и полицентричной мировой системе, обеспечивающей сосуществование альтернативных стратегий общественного развития в рамках общепринятого модернизационно-глобалистского консенсуса.

Упоминание термина *империя*, одного из наиболее значимых в последующем изложении, неслучайно. Мы еще будем иметь возможность подробно проанализировать альтернативные возможности развития, связываемые с имперским принципом политической организации. Здесь же предварительно подчеркнем, что модель капиталистической мир-системы, обладающей *центром, периферией* и *полупериферией* (по Ф. Броделю – И. Валлерстайну), по сути соответствует структуре *империи*.

Иными словами, капитализм, порождая систему национальных государств как политического проводника своей глобальной экспансии, латентно эволюционирует совершенно противоположным образом, а именно: используя узкий круг модернизационно зрелых демократий как основу имперского центра, а широкий круг модернизирующихся и «вечно догоняющих» государств, а также континуум «вечно отстающих *государств-неудачников*» (потенциальных *failed states*) – как соответственно имперскую полупериферию и периферию. Так же как и *империя, капиталистическая мир-система* находится в состоянии «постоянного беспокойства», стремления к перманентной и ничем не ограниченной экспансии («...пока существуют какие-либо рынки или ресурсы, которые еще не вовлечены в ее орбиту» [Сорос 1999: 114]).

В этом контексте мировое развитие предстает не столько монотонным прогрессистским трендом, последовательно усиливающим и укрепляющим лидерские позиции Запада, вытянувшего некогда (около четырех с небольшим веков тому назад) выигрышный сертификат на вечное мировое превосходство, сколько *эволюционным процессом наращивания сложности мировой системы*. Такое усложнение предстает результатом своего рода интерференции глобальных трендов дифференциации – интеграции (Пантин, Лапкин 2014: 204–235; см. также в этом выпуске: Пантин 2017), парадоксального взаимодействия конкурирующих политик: экстратерриториальной империализации и государственно-территориального контроля.

Кризис современного национально-территориального государства и соответствующей системы межгосударственных отношений ставит в плоскость политической практики, но также и политической теории проблему поиска новых оснований для сдерживания

тренда безудержной интеграции и универсализации. Иными словами, необходимы становление (как практическое, так и концептуальное) и консолидация новых субъектов политики дифференциации, способных более эффективно противостоять универсальной и контролируемой из одного центра *Империи*, нежели сообщество формально суверенных, но финансово, технологически и идейно зависимых от нее национальных государств. Проблема формирования этой альтернативы стоит сегодня как никогда остро, а процесс ее разрешения и будет по существу тождественен формированию мирового порядка на новых основаниях.

Эвристические возможности теории эволюционных циклов мировой системы и проблема сингулярности

В деятельности многочисленных экспертных групп, пытающихся спрогнозировать среднесрочные тренды мирового развития (на ближайшие десять – двадцать пять лет), предпочтение по-прежнему отдается подходам, нацеленным на моделирование монотонных трендов, в основе которых лежат представления о *неизменности* законов движения сложных социально-политических и экономических систем в процессе их развития. Очевидность фундаментальных изменений базовых законов и норм существования общества, происходящих сегодня уже во временных масштабах одного поколения, причем с нарастающим ускорением, просто не принимается во внимание. Исследователи, как правило, стремятся избегать «сложных решений», предполагающих возможность закономерного изменения законов движения в процессе развития, равно как и описания (хотя бы качественного) природы процессов, сопряженных с последовательным нарастанием системной сложности системы мировых взаимодействий. В итоге задача поиска закономерностей, по которым изменяются законы движения системы в ходе ее эволюции, снимается. А в качестве универсальных законов ее движения (в лучшем случае) предлагаются частичные правильности, эффективно описывающие (в виде «монотонного тренда») ее траекторию лишь на локальном участке ее эволюционного цикла. Так в основу моделирования и прогнозирования мирового развития закладывается принципиального значения методологическая ловушка, срабатывающая всякий раз, когда предпринимается попытка прояснить перспективу в условиях глобальной неустойчивости.

Конкретные примеры срабатывания этой методологической ловушки можно найти в рамках многочисленных теорий экономическо-

го роста, построенных на основании анализа относительно устойчивого, динамичного, «почти бескризисного» развития мирового рынка после Второй мировой войны (период *Pax Americana*). При первых же ударах глобального кризиса, инициированного финансовой катастрофой осени 2008 г., прогностический потенциал этих теоретических построений стал стремительно девальвироваться. В свое время вершиной этой исследовательской логики стали получившие широкое распространение с середины 1990-х гг. идеальные модели «конца истории», униполярного мира и устойчивого развития⁵. Первые две сегодня уже (устаами большинства своих адептов) признали свою несостоятельность. Последняя по-прежнему популярна, соблазняя исследователей перспективой – путем концентрации ресурсов в руках ключевых, «наиболее эффективных» глобальных акторов упразднить представление о *кризисах развития* как таковых⁶.

Между тем не искусственная линейаризация, а именно цикличность социальных практик, упорядоченных в пространстве и времени, как фундаментальное основание общества (в противовес представлениям о неизменной «социальной тотальности») полагается главным предметом социальных наук в теории Э. Гидденса: «Социальные действия людей цикличны подобно некоторым самовоспроизводящимся природным явлениям. Это означает, что они не создаются социальными акторами, а лишь постоянно воспроизводятся ими, причем теми же самыми способами, посредством которых люди реализуют себя как акторы...» (Гидденс 2005: 40).

Наконец, быть может, самая укорененная (можно сказать, на подсознательном уровне) методологическая ловушка сопряжена с проблемой временной локализации геополитического господства США и самой эпохи *Pax Americana*. Исследование глобальной социально-политической динамики по-прежнему проходит на фоне практически полного доминирования установок, фактически не допускавших даже постановки вопроса об утрате США позиций глобального лидера. Это, безусловно, создает серьезные препятствия

⁵ Все они – своего рода *маркеры* глобального движения к *псевдооднопольному* миру 1990-х гг., ставшему воплощением триумфа США, сконцентрировавших под своим контролем подавляющую часть общемировых ресурсов (вещественных, институциональных, интеллектуальных и т. д.).

⁶ Тем не менее напомним, что именно кризис 2008 г. стал своего рода моментом истины для большого числа моделей устойчивого развития, трансформировав (словами И. Валлерстайна) их прежний «грандиозный успех» в столь же «грандиозный провал» (Валлерстайн 2009: 20; см. также: Wallerstein 2008).

адекватному осмыслению глубины и последствий экономических и геополитических перемен, стоящих на повестке дня текущего глобального кризиса и сопряженных с принципиальными изменениями парадигмы глобального лидерства.

На фоне сторонников линейных и консервативных моделей глобального развития выделяются адепты мир-системного подхода, в рамках которого на сегодняшний день наиболее глубоко проработано теоретическое описание циклической природы глобальных экономических и социально-политических процессов. Однако следует обратить внимание на то, что в рамках этого подхода экономические циклы (50–60-летние циклы Кондратьева) и циклы международной политики (100–150-летние так называемые циклы гегемонии) разведены, и корреляция между ними не всегда прослеживается.

Теоретическое разведение глобальных экономических циклов и циклов гегемонии подрывает возможности комплексного подхода к проблеме, искусственно разделяя вопросы финансово-экономической и международно-политической гегемонии, что тем более странно в современном глобализованном мире (следует также обратить внимание на то обстоятельство, что с позиции *теории колебаний* длительно сосуществующие в единой системе колебательные процессы с неизбежностью синхронизируются). К тому же, вслед за Н. Д. Кондратьевым, мир-системный анализ исходит из неизменной продолжительности циклов, что в последние десятилетия входит в непосредственное противоречие с практикой⁷ и тем самым резко снижает прогностическую ценность соответствующих построений. Попытки же эмпирически обосновать сокращение продолжительности кондратьевских циклов сталкиваются как со значительными затруднениями методологического плана, так и с «сопротивлением» теории, привнося заметный раскол в ряды последователей мир-системного анализа.

Альтернативный подход к описанию глобальной динамики (и вместе с тем во многом инициированный критическим переосмыслением некоторых положений мир-системной теории) разрабатывается автором совместно с В. И. Пантиным в рамках теории эволюционных циклов международной экономической и политической системы. В его основу положена модель четырехфазных эво-

⁷ Уже задолго до сегодняшнего дня скрупулезный анализ продолжительности кондратьевских циклов выявлял тенденцию к их постепенному сокращению (см.: Бродель 2007: 64; Tausch 1998).

люционных циклов (соответствующих сдвоенным кондратьевским циклам с функциональным различием каждой из четырех фаз и пошаговым сокращением длительности понижательных волн при постоянной длительности повышательных волн)⁸. В рамках этой модели данные эволюционные циклы рассматриваются как универсальный механизм социальной эволюции, в котором аналитически вычленимы экономическая и политическая составляющие (в ряде случаев – путем простого фазового сдвига в рамках единого цикла).

Принципиальные новации разрабатываемой модели позволяют существенно повысить прогностический потенциал теоретического анализа циклически-волновых процессов мирового развития и описать эволюционную динамику мировой системы по крайней мере на протяжении трех последних эволюционных циклов, охватывающих период протяженностью в два с половиной столетия, а также заглянуть в будущее по крайней мере на четверть века – до начала сороковых годов текущего столетия.

Любой системный кризис по определению является сбоем предшествующего тренда, сигнализирующим о неработоспособности прежней парадигмы, о том, что последующее находится за пределами доступного ей горизонта видения. Однако с более общих, «гиперсистемных» позиций, на которые нас выводят представления о последовательности эволюционных циклов, кризис – необходимый этап развития, функционально ответственный за осуществление структурных перемен и функциональной коррекции в целостной системе. И если говорить о глобальной системе, то в самом общем смысле роль кризиса, переживаемого миром уже без малого десятилетие, состоит как в радикальном изменении парадигмы глобального лидерства, так и в не менее глубоком изменении организационной структуры и механизмов развития мировой системы в целом.

Целый ряд важнейших понятий, приближающих нас к пониманию и дающих инструментарий описания такого интегрального эволюционного процесса, в свое время был разработан в теории действия Т. Парсонса, претендующей на целостное описание человеческой деятельности во всем ее многообразии, на формирование некоей «синтезирующей матрицы» наук об общественном развитии. В этой теории сочеталось ясное аналитическое различение основных функциональных подсистем общества (экономики, политики, социе-

⁸ Первоначальные подходы представлены в работе: Умов, Лапкин 1992, методологическое обоснование: Лапкин, Пантин 2004, развернутая версия: Пантин, Лапкин 2014: 236–288.

тального сообщества [интегративной подсистемы] и культуры [подсистемы воспроизводства образца]) с сохраняющейся возможностью исследования общества как целого.

Описывая переход от простых к сложным, динамическим политическим системам, характеризующимся нарастанием циркулирующих потоков власти, Т. Парсонс указывает, что «критическое условие такого перехода – готовность коллективности (*collectivity*) и ее членов принять новые связывающие обязательства помимо тех, что уже в силе» (Parsons 1967: 340, 342). Приращение власти происходит по мере того, как коллективность вырабатывает новые цели и для их достижения принимает на себя новые связывающие обязательства, включая те, что связаны с практиками социального государства, международно-правовыми и гуманитарными обязательствами и т. д. Именно повышение способности общества к выработке общественно значимых целей, ориентированных на повышение безопасности и устойчивости существования социализированного индивида, неотвратимо усиливает и качественно совершенствует власть. При этом индивид, будучи элементом этой коллективности и разделяя «со всеми» потребность в безопасности, стабильности и порядке, тем самым принимает на себя связывающие обязательства подчиняться гарантирующей все это власти.

Но *циркуляция власти* внутри политики, согласно Парсонсу, составляет лишь один из аспектов функционирования политической системы; гораздо существеннее, – особенно для понимания *эволюции общества*, – роль взаимодействий между функциональными подсистемами (экономической, политической, интеграционной и воспроизводства образца) (*Ibid.*: 351; см. также: *Idem* 1966: 16; Парсонс 1993: 108). В частности, Парсонсом введены понятия, представляющие дополнительные возможности аналитического исследования «явления *взаимопроникновения*» между этими четырьмя подсистемами действия. «...Граница между любой парой подсистем действия представляет собой некую “зону” структурных компонентов или образований, которые могут теоретически рассматриваться как *принадлежащие обеим подсистемам*, а не просто относимые к какой-то одной из них... Именно благодаря зонам взаимопроникновения может осуществляться *процесс взаимодействия* между подсистемами...» (Он же 1998: 17).

Так, взаимодействие политики (подсистемы целедостижения) с экономической подсистемой общества (подсистемой адаптации) создает *систему мобилизации ресурсов*. Такая система в процессе

своего длительного функционирования и сопряженной с этим внутренней дифференциации характеризуется *накоплением* значительных ресурсов власти и собственности (денег⁹, богатства, капитала, влияния, авторитета, господства), необходимым для стабилизации ее функционирования. Функцию накопления и структурной организации ресурсов мы, вслед за Т. Парсонсом, рассматриваем как необходимый элемент эволюционной дифференциации общества. Принимая этот подход, можно сформулировать в качестве исследовательской задачи изучение *взаимобусловленности* двух функций: 1) функции целедостижения по отношению к внешней среде и 2) функции адаптации к внешней среде. Именно эта их *взаимобусловленность* формирует предпосылки эффективной внешней экспансии общества. Адаптация, то есть освоение внешних ресурсов, создает условия для последующего целеполагания и целедостижения. А это, в свою очередь, обеспечивает новый уровень освоенных ресурсов, стимулирует постановку новых целей экспансии общества вовне и открывает новые сферы такой экспансии. Тем самым формируется новый цикл (или, точнее, если принимать во внимание пространственную составляющую глобальных эволюционных процессов, новая волна) развития глобальной системы.

В целом же создается возможность концептуализации *циклически-волнового механизма* приращения способности общества к «действию», к активной «целесообразной адаптации» по отношению к внешней ресурсно-сырьевой среде. Каждый эволюционный шаг такой адаптации (включающий и определенное усложнение внутривнутриполитической организации) обеспечивает сообществу новый уровень адаптивных возможностей в ключевых направлениях его жизнедеятельности, изменяет его конкурентоспособность по сравнению с другими сообществами в единой региональной или мировой системе и тем самым становится фактом внешней, международной политики.

Само понимание сферы политического по Т. Парсонсу предполагает момент контроля над ресурсной сферой при строгом разгра-

⁹ Особое свойство денег и рынков делает экономическую сферу наиболее пригодной для универсального общения, возникающего «поверх» любых локальных сообществ, цивилизационных и национально-государственных барьеров. «Деньги и рынок действуют там, где существует достаточно широкое разделение труда и где область экономического действия *достаточно отделена* от политических, общинных и моральных императивов. Из всех обобщенных механизмов социального взаимодействия деньги и рынки менее всего связаны с нормативным порядком, воплощенным в социальном сообществе» (Парсонс 1998: 32).

ничении функций политики и экономики по отношению к ней: «Мы рассматриваем какое-то явление как *политическое* в той мере, в какой оно связано с организацией и мобилизацией ресурсов для достижения каким-либо коллективом его целей» (Парсонс 1998: 30). Иными словами, обеспечение эффективного управления имеющимися ресурсами есть сфера экономики и технологии; в то время как организация и мобилизация ресурсов для достижения целей сообщества, повышения его адаптивных возможностей и создания эффективного ресурсного потенциала развития функционально соответствуют сфере политического.

В рамках разрабатываемой нами с В. И. Пантиним модели эволюционный цикл международной экономической и политической системы включает четыре последовательные фазы (см. рис.):

Последовательность фаз эволюционного цикла

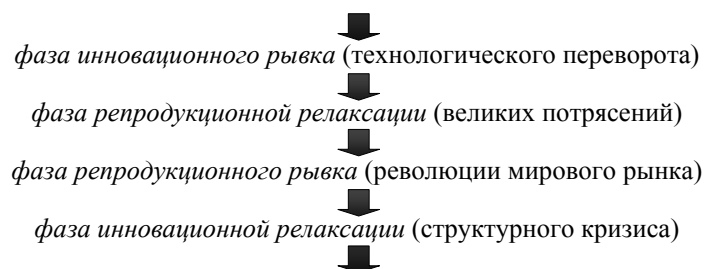

Рис. Последовательность фаз эволюционного цикла

Сравнительная датировка соответствующих фаз трех последних эволюционных циклов приведена в таблице на с. 67 (подробное обоснование приводимой датировки дано в наших предыдущих совместных с В. И. Пантиним работах, в частности, см.: Пантин, Лапкин 2014: 248–288). То, что – с акцентом на экономическую суть происходящего – мы называем чередованием периодов *инновационного* и *репродукционного* рывков (иначе – с акцентом на доминирующий политический тренд периода), следует рассматривать как чередование периодов *дифференциации* и *интеграции*. По итогам фазы *технологического переворота* намечаются и выделяются особые, эффективно формирующие и осваивающие инновации политических образований (как правило, регионально локализованные). Тогда как в фазе *революции международного рынка*, напротив, путем интеграции этих наиболее эффективных субъектов ми-

рового рынка формируются условия для самого широкого распространения новых политических и хозяйственных практик и выработки общемировых стандартов потребления и производства.

Анализ датировок смены фаз, представленных в таблице, иллюстрирует базовый принцип, заложенный в конструкцию предлагаемой циклической модели. Суть его в следующем: ведущий 12-летний ритм синхронизирует основные процессы мировой динамики; эволюционные изменения проявляются в пошаговом сокращении (на те же 12 лет) длительности понижательных фаз (великих потрясений и структурного кризиса) при постоянной длительности повышательных фаз (технологического переворота и революции международного рынка).

Таблица

**Сравнительная датировка соответствующих фаз
трех последних эволюционных циклов**

Фаза эволюционных циклов международной экономической и политической системы	Расчетная датировка цикла в целом и его фаз (годы)		
	цикл 1789–1897	цикл 1897–1981	цикл 1981–2041
Фаза технологического переворота (или <i>инновационного рывка</i>)	1789–1813	1897–1921	1981–2005
Фаза великих потрясений (или <i>репродукционной релаксации</i>), в том числе периоды: растущей неустойчивости; великой депрессии; общей дестабилизации	1813–1849	1921–1945	2005–2017
	1813–1825	1921–1929	2005–2009
	1825–1837	1929–1937	2009–2013
	1837–1849	1937–1945	2013–2017
Фаза революции международного рынка (или <i>репродукционного рывка</i>), в том числе периоды: формирования новой модели; торжества нового миропорядка	1849–1873	1945–1969	2017–2041
	1849–1861	1945–1957	2017–2029
	1861–1873	1957–1969	2029–2041
Фаза структурного кризиса (или <i>инновационной релаксации</i>)	1873–1897	1969–1981	2041–2041

Нетрудно увидеть, что текущий цикл и, более того, та его фаза (в рамках данной модели), в которую мировая система вступает в 2017 г., оказывается особым, завершающим периодом исторически колоссальной эпохи мирового развития¹⁰. В конце этого цикла и

¹⁰ Прогнозирование мирового развития при вступлении в 2017 г. в фазу революции международного рынка в рамках разрабатываемой нами совместно с В. И. Пантинным теории эво-

той фазы (2017–2041 гг.) система приходит в сингулярную точку (продолжительность понижательных фаз эволюционного цикла *снижается до нуля!*). Этот вывод, со всей определенностью следующий из исходных посылок модели, побуждает рассматривать период завершения текущего цикла (2030-е гг.) как преддверие еще одного перехода глобальной системы к новой парадигме развития, причем гораздо более фундаментального, нежели предстоящий миру в ближайшее десятилетие. Прогнозируемая в 2040-х гг. элиминация фаз релаксации, функциональная потребность в которых, по видимому, отпадет, побуждает более внимательно отнестись к функциональной роли этих фаз в общем эволюционном процессе. Можно предположить, что эти фазы ответственны за своего рода *оптимизацию* транзакционных издержек, обусловленных структурными диспропорциями и внутренней конфликтностью процессов жизнедеятельности глобальной системы.

До последнего времени выявление и преодоление этих проблем и противоречий требовало жестких геополитических решений, вплоть до прямых военных столкновений ведущих мировых или региональных держав. Лишь в последние два десятилетия появилась возможность использовать для этой цели более «мягкие» методы (*soft power*), а также согласованные усилия основных глобальных игроков. Но платой за это стало фатальное «упрощение» геополитической структуры современного мира. В течение последних двухсот лет происходил последовательный переход от «концерта держав» XIX в. через кризисный период, ограниченный двумя мировыми войнами, к *биполярному миру* 1945–1991 гг., затем – к двум десятилетиям «униполярности», а в перспективе – к универсальному мировому порядку, исключающему наличие «полюсов силы» и продвигающему сетевые возможности контроля и управления.

Принципиальные новации предложенной выше модели позволяют существенно повысить прогностический потенциал теоретического анализа циклически-волновых процессов мирового развития и проиллюстрировать эволюционную динамику мировой системы по крайней мере на протяжении трех последних эволюционных циклов, охватывающих период в два с половиной столетия. Применительно же к текущим событиям и описанию существа, форм и механизмов трансформации миропорядка в ближайшее де-

люционных циклов международной экономической и политической системы допускает определенные сценарные вариации. В известном смысле альтернативный сценарий, описывающий прежде всего переходный период 2017–2025 гг., см. в настоящем выпуске (Пантин 2017: 5–8, 12–18, 22–24).

десятилетие требуется более детальный анализ природы новых субъектов глобального развития. Тех, которые обозначились еще на излете фазы *технологического переворота* (в первые годы текущего века) и которым, возможно, суждено стать «соавторами» нового миропорядка, того, что предстоит выстроить к середине фазы *революции международного рынка* (к 2029 г.).

**Проявляющиеся контуры поствестфальской системы:
новое – это хорошо забытое старое**

Этим новым субъектам глобального развития предстоит сформировать новую парадигму глобальной интеграции (нового миропорядка) на основе согласия держав, противостоящих стратегии безальтернативного универсализма, продвигаемой сегодняшним мировым лидером. Главная проблема этого последнего в том, что его потенциал глобального лидерства практически исчерпан (и это находит отражение в навязчивом стремлении американских лидеров последних лет «вернуть величие Америки», возродить ее, снова сделать образцом для всего остального мира и т. д.). Очередная трансляция мирового лидерства давно уже назрела, но за последние десятилетия доминирования США смогли «зачистить всю поляну». Сегодня не осталось ни одной страны, которая могла бы стать преемником мирового лидерства (и это касается даже КНР, у которой в этом отношении имеются многочисленные принципиальные изъяны, начиная с иероглифической письменности и заканчивая сохраняющейся технологической и финансовой зависимостью от Запада). Иными словами, новый миропорядок может возникнуть лишь как проект кооперации новых держав и как альтернатива безальтернативному универсализму глобального гегемона.

Какова же природа этих новых держав, более или менее успешно отвечающих на вызовы модернизации и глобализма?

Позволим себе *особое отступление*, разъясняющее сопряжение (а отчасти и противостояние) представлений об империи и о национальном государстве (в смысле *nation-state*). Классические западноевропейские *nation-states* возникли как новый политический проект в противопоставлении и историческом отрицании прежних позднефеодальных империй. Их идеологам и практикам казалось, что самим фактом существования и экспансии этого нового идеального типа государственности имперский тип государственности безвозвратно удаляется в историческое небытие. Тем не менее реновационный потенциал имперского типа, как вскоре вы-

яснилось, был далеко не исчерпан. Многие европейские державы конца XVIII – XIX в. прибегли к имперской форме в попытках сформулировать политический ответ на вызовы промышленной революции и индустриальной модернизации. Ответ, заметим, дан был по крайней мере двоякий: континентальные империи – Австро-Венгерская, Российская, Османская и Германская – расширяли сферу территориального контроля в Европе и на Ближнем Востоке; Британская (и Португальская как ее сателлит), а также Французская – выстроили колониальные империи, охватившие весь мир. Этот (обоих типов) новый, особый империализм был преодолен в ходе экспансии Универсальной цивилизации (об этом понятии см.: Лапкин 2001; 2012: 30–39) в два этапа: по итогам Первой и Второй мировых войн все перечисленные новые империи пали, и в мире утвердилась гегемония США (*Pax Americana*). Но и это решение «имперского вопроса» не было окончательным. Новый кризис капиталистического миропорядка, разразившийся с начала XXI в., острая фаза которого длится уже почти десятилетие, высвечивает имманентные противоречия мировой системы национальных государств, казалось бы, окончательно утвердившейся в качестве безальтернативной под давлением «наций-победителей» во Второй мировой войне. И одно из основных такого рода противоречий обусловлено латентно сохраняющимися имперскими чертами в политическом поведении ведущих мировых держав (сам последний термин выдает эту их тайну; см.: Ильин 1997: 224–240).

Имперская политическая форма выступает в сегодняшнем мире в качестве одного из необходимых элементов компромисса между сохраняющимся (и даже местами усиливающимся) этноконфессиональным разнообразием, с одной стороны, и потребностями капиталистического накопления и экономического развития – с другой, в условиях жесткой конкуренции требующими оптимизации (сокращения) числа политически дееспособных субъектов глобального рынка. Механизм консолидации гетерогенных сообществ посредством нации выявил свою ограниченность как в культурно-цивилизационном, так и в логистическом плане. Нации возникли в рамках западноевропейской культурно-цивилизационной среды (с ярко выраженным англосаксонским акцентом). С большим трудом эта предполагающая особую государственность форма консолидации рыночного сообщества (посредством национального рынка, формируемого и защищаемого государством от внешних угроз) смогла распространиться шире – на романо-германский мир. Дальнейшее

распространение этой формы социально-экономической консолидации стало порождать серьезные проблемы в мировом развитии. Последовали эксцессы небывало кровопролитных мировых и многочисленных региональных войн, разрушительных революций, террористических атак, а главное – возник феномен перманентно воспроизводимого и фактически институционально закрепленного отставания всех прочих стран мира от немногих, вошедших в сообщество Запада (отчасти это нашло отражение в концепте «золотого миллиарда»¹¹).

Вместе с тем, поскольку изначально европейские нации зарождались, как правило, в процессе последовательной этнической и конфессиональной унификации (длительная эпоха так называемых религиозных войн), а власти при столкновениях с критическими неоднородностями социального субстрата прибегали к предельно жестким инструментам подавления и искоренения этнически и конфессионально чужеродных элементов (католиков в Англии и Голландии, гугенотов во Франции и т. д.¹²), эти практики вошли в «генетический фонд» нации как идеального типа. Поэтому распространяемая повсеместно после Второй мировой войны (и окончательного распада колониальных империй) форма национального государства, с одной стороны, повсеместно же провоцировала межэтнические и межконфессиональные столкновения, а с другой – подталкивала соответствующие сообщества к национальному самоопределению и тем самым множила число национальных государств сверх всякой меры. Вплоть до формирования «псевдонаций», откровенно не способных к самостоятельному существованию. Образовались особые классы «непризнанных» и «несостоявшихся» государств (см.: Ильин, Кудряшова 2011; Ильин 2008; Мельвиль и др. 2012). Наконец, за *de jure* ширмой национального государства *de facto* шла их дифференциация на государства, удерживающиеся в рамках «нормы», и государства, сохраняющие, наращивающие или возрождающие атрибуты империи.

¹¹ Впрочем, в условиях глобализации содержание этого концепта приобретает скорее наднациональный характер, поскольку формирование «золотого миллиарда» сегодня предполагает вхождение в него космополитических элит большого числа западных государств.

¹² Используя терминологию С. Каспэ, это можно было бы, с известными оговорками, назвать «ассимиляцией населения вновь включаемых в состав государства территорий»; напротив, отсутствие (или ограниченность) таковой делает возможным сохранение «этнокультурных особенностей» этих территорий и является, по его мнению, одним из трех основных условий формирования империи (Каспэ 2001: 30). Этот критерий, по нашему мнению, эффективен при анализе не только перехода от империи к государству-нации, но и противоположного перехода – от нации к империи, примеры которого сегодня многочисленны, а их обсуждение является одним из основных сюжетов последующего изложения.

Последнее касается прежде всего крупных (как территориально, так и по числу граждан), а также полиэтнических, поликонфессиональных и мультикультурных государствообразующих сообществ. За редким исключением форма национального государства не давала надежных инструментов интеграции таких сообществ, более того, по мере обострения так называемого миграционного кризиса дисфункции национального государства стали проявляться даже в прежде стабильных и обладающих развитым и эффективным гражданским обществом государствах Запада.

При этом в последние десятилетия в мире активно формируются имперские образования нового типа, выступающие в качестве «зонтичных» политических, правовых, экономических структур «поверх» национальных государств и претендующие на присвоение и активное освоение части суверенитета интегрируемых ими национальных государств¹³. Именно этот ракурс анализа целого ряда сегодняшних «необъяснимых» политических событий позволяет дать им логическое объяснение. Например, феномен Брексита.

Именно проявление в стратегии ЕС качеств имперской природы (что случилось в последние десятилетия по мере обретения Еврокомиссией фактической автономии от национальных правительств и способности принуждать эти правительства следовать директивам из Брюсселя) сформировало конфликт между директивными импульсами этой становящейся империи и не до конца редуцированными имперскими амбициями Великобритании. Напомним, что в ней британская нация уживается с шотландской, валлийской, ирландской и английской (не говоря уже о конгломерате наций, этносов, племен и народов, привнесенных в последние десятилетия волнами инокультурной миграции). Конфликт ЕС и Великобритании как никакой иной рельефно высветил проблему. Но в том же ЕС существуют и другие страны с богатой имперской традицией, такие как Испания, Франция, Нидерланды. Да и Германия, страна не реализованных в Новое время имперских амбиций, имеет сверхустойчивый исторический бэкграунд Священной Римской империи германской нации (или, кратко, Рейха). В этот ряд можно поставить и Польшу, и стоящие у восточных рубежей ЕС Турцию и Россию. Все эти национальные государства сохраняют

¹³ Более того, с этой точки зрения любая система многосторонних международных договоренностей, по крайней мере начиная с Вестфальского договора, представляет собою элемент такого рода имперской протоструктуры.

культурно-цивилизационные характеристики, активизирующиеся при попытках интегрировать их в инородные имперские структуры и навязать им чужеродные институциональные и культурные нормы, поскольку «имперский характер политических систем определяется не столько характером *политических институтов*, сколько содержанием формирующейся в них и через них выражающейся внутренне неоднородной *политической культуры*, первичной по отношению к институтам» (Каспэ 2001: 29)¹⁴.

Особое место в рамках этой проблемы необходимо уделить природе политического феномена США, особенно недвусмысленно проявившейся после победы в холодной войне и по мере формирования, по крайней мере, в интенции и в идеологическом плане, униполярного мира под их неоспоримой гегемонией. Уже сразу после окончания Второй мировой войны США выступили проводником новой цивилизующей мир миссии, взламывая косные политические режимы, разлагая колониальные империи своих ближайших союзников, борясь с безбожным и тираническим коммунизмом, насаждая повсюду демократию, консьюмеризм, либеральные ценности и все то, что можно было назвать «экспортным вариантом американского образа жизни». Вплоть до конца 1960-х гг. эта цивилизационная экспансия (по крайней мере, на большей части земного шара, исключая лишь территорию так называемого советского блока) проходила почти беспрепятственно. Но эпоха *революции международного рынка* (1945–1969 гг.) закончилась, мир вступил в период глобального *структурного кризиса* (1969–1981 гг.), выявились и обострились структурные противоречия и конфликты между стратегиями развития новых (и восстановившихся старых) мировых центров силы, получивших импульсы к развитию в предшествующий благоприятный период.

Эта усложнившаяся и ставшая напряженно конкурентной глобальная ситуация потребовала от США дополнить свою цивилизационную экспансию имперской составляющей силы, пополнить ресурсы имперского гегемона атрибутами имперского могущества. Знаковыми и исторически почти одномоментными событиями этого перехода от цивилизационного натиска к откровенно имперскому диктату следует считать:

¹⁴ См. там же: «...общим знаменателем для всех этих “критических” признаков империи является их локализация на пересечении сфер культуры и политики...».

а) временный (*de facto* необратимый) отказ от золотого стандарта (август 1971 г.) и переход к финансовой политике, когда основная резервная валюта не обеспечивается золотом и происходит фактическая монополизация мировой финансовой системы, регулируемой исключительно политикой ФРС США;

б) последующий нефтяной кризис (октябрь 1973 г.) и переориентация политики США на стратегический альянс с режимами Персидского залива, а экономики – на нефtedоллары как альтернативу экономики золотого стандарта;

в) переход к политике разрядки (1971–1972 гг.) на фоне эскалации прямой агрессии против ДРВ (весна 1972 г.) и бесславного завершения военной кампании во Вьетнаме (январь 1973 г. – апрель 1975 г.), ставшей на деле преддверием последующей политики экономического удушения СССР.

В дальнейшем, и с особенной интенсивностью – после упразднения биполярной системы, можно наблюдать усиление имперских черт в политике США. Более того, можно сказать, что политическая система Соединенных Штатов сегодня представляет почти классический образец своего рода политии-кентавра: во внутренней политике она сохраняет облик государства-нации (*nation-state*) с эффективно работающими правовыми демократическими институтами, всеобщим политическим представительством и высокоэффективным разделением властей; однако во внешней политике США все более осваивают классические приемы и инструменты мировой империи, соответствующую риторику «исторической миссии глобального лидерства» и поведенческие навыки мирового жандарма, все более безапелляционно поддерживающего правильный с американской точки зрения порядок.

Иными словами, глобальный контекст, поначалу, в первые годы третьего тысячелетия, воспринимавшийся как кризис модели национального государства под натиском глобализации, сегодня, по итогам периода великих потрясений (2005–2017 гг.), предстает иным по своему смысловому наполнению, выявляя непредвиденный вариант своего разрешения.

Эмпирическим (теоретически непредвиденным) решением оказывается продвижение имперских форм политической интеграции, опирающейся на латентные ресурсы культурно-цивилизационной природы, так и не сокрушенные предшествующей капиталистической экспансией Запада. Это продвижение происходит «поверх» общераспространенного и универсального в современном мире наци-

онально-государственного устройства: «...имперские системы представляют собой способ разрешения конфликтных напряжений, возникающих при столкновении универсалистских культурно мотивированных политических ориентаций с реальным разнообразием и разнородностью представленных в конкретном политическом пространстве политических культур» (Каспэ 2001: 30). Применительно же к современным державам, столкнувшимся с острыми внутривнутриполитическими проблемами, порождаемыми массовой, многомиллионной инокультурной миграцией (прежде всего ЕС, США, РФ), приведем еще одну цитату того же автора: «...формирование имперской политической системы происходит тогда, когда этническое и культурное разнообразие становится политической проблемой и разрешается политическими средствами» (Там же: 29).

А это, в свою очередь, ставит на повестку глобального политического развития выработку (подобно Вестфальской системе) некоей новой системы отношений между неоимперскими структурами современного мира, которые, впрочем, всем хорошо известны, но из соображений политкорректности таковыми пока не именуется. В их числе США, ЕС, РФ, КНР. Потенциально это также Индия, Иран, Турция (список, возможно, в ближайшее время будет расширяться). Сама эта проблема ставит сложнейшую задачу перед Западом, задачу пересмотра своего позиционирования в мире и перехода к фактически, а не только декларативно равноправным отношениям с государствами, политически представляющими инокультурные макросообщества с иным институционально-правовым опытом.

По существу, речь идет о том, возможен ли для этих стран путь развития (в современном контексте – путь модернизации), способный преодолеть их «вечное», системное отставание, или же зависимость этих стран от усмотрения идеологов Запада станет их «вечным проклятием». И страной, полной самых амбициозных надежд на то, что ей удастся доказать свою состоятельность в качестве системной альтернативы Западу, является сегодня отнюдь не Россия, а прежде всего КНР. Однако трудная задача в этом случае встает не только перед державами Запада, но и перед любой страной современного мира, имеющей такого рода неоимперские амбиции. Любой империи свойственно стремление к глобальному (или хотя бы региональному) лидерству и продвижению имманентного ей политико-правового порядка вовне, к распространению в любой доступной ей форме своего влияния на сопредельные и даже самые отдаленные страны.

Новая система отношений между державами этого типа должна ввести конкуренцию между ними в некие правовые ограничительные рамки, которые исключали бы возможность какого-либо возврата к ситуации униполярности или даже биполярности. Эта система должна предусматривать возможность существования альтернативных моделей современного развития и сосуществование альтернативных культур, причем не в форме пресловутой мультикультурности, пусть даже при позитивной дискриминации культуры меньшинств, а сосуществование и ресурсную оснащенность политических проектов, выстраиваемых на альтернативных культурных основаниях. Система должна предложить рамочные условия, приемлемые хотя бы для этих основных игроков современного мира и не сковывающие возможности разнообразного (в первую очередь торгово-экономического, технологического, инвестиционного, информационного и т. п.) взаимодействия между ними.

В свете всего сказанного вернемся теперь к современной России и окружающему ее постсоветскому пространству (см. также: Малков 2016). В сегодняшних условиях вполне оформившегося имперского натиска Запада (теперь уже фактически в трех ипостасях – США, ЕС и намеренной возродиться в этом качестве Великобритании) для России велик соблазн также пойти по пути имперского возрождения. Но наша страна уже дважды терпела крах на этом пути, не справляясь с задачей выработки симбиотического режима, предполагающего во внутренней политике культивирование современного институционального демократического представительства и универсальной правовой национально-гражданской консолидации, а во внешней – систему имперского продвижения интересов страны. Поэтому императивным условием продолжения ее бытия в современном мире является выработка гражданского модуса существования, то есть гражданства как доминирующего инструмента государственно-политической и социокультурной консолидации, перекрывающего по значимости иные – этнической, конфессиональной, земляческой и т. п. природы – формы консолидации в условиях сложного общества. И если восстановление практик имперского поведения во внешней политике может продвигаться, как показывают события последних лет, достаточно быстро, опираясь на не вполне утраченные навыки прошлого, то решение проблемы гражданской консолидации российского общества представляет поистине беспрецедентную задачу исторического масштаба.

Литература

Бек, У. 2012. Живя в мировом обществе риска и считаясь с ним. Космополитический поворот. *Полис. Политические исследования* 5: 44–58.

Бродель, Ф. 2007. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.* Т. 3. *Время мира.* М.: Весь мир.

Валлерстайн, И. 2009. Динамика глобального кризиса. Тридцать лет спустя. *Эксперт* 35(672).

Гидденс, Э. 2005. *Устройство общества: Очерк теории структуризации.* М.: Академический Проект.

Гринин, Л. Е.

2005. Глобализация и национальный суверенитет. *История и современность* 1: 6–31.

2015. Новый мировой порядок и эпоха глобализации. Ст. 1. Американская гегемония: апогей и ослабление. Что дальше? *Век глобализации* 2: 3–17.

2016. Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем. *История и современность* 1: 20–63.

Ильин, М. В.

1997. *Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий.* М.: РОССПЭН.

2008. Возможна ли универсальная типология государств? *Политическая наука* 4: 8–41.

Ильин, М. В., Кудряшова, И. В. (ред.)

2008. *Суверенитет. Трансформация понятий и практик:* монография. М.: МГИМО-Университет.

2011. *Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности.* М.: МГИМО-Университет.

Каспэ, С. И. 2001. *Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика.* М.: РОССПЭН.

Лапкин, В. В.

2001. Универсальная цивилизация: Болезнь роста и ее симптомы. В: Холодковский, К. Г. (отв. ред.), *Политические институты на рубеже тысячелетий. XX–XXI вв.:* сб. ст. (с. 12–26). Дубна: Феникс+.

2012. *Политическая модернизация России в контексте глобальных изменений:* научная монография. М.: ИМЭМО РАН.

Лапкин, В. В., Пантин, В. И. 2004. *Геоэкономическая политика и глобальная политическая история.* М.: Олита.

Малков, С. Ю. 2016. Кризис глобализации и Россия. *История и современность* 1: 109–132.

Мартьянов, В. С. 2010. Один Модерн или «множество»? *Полис. Политические исследования* 6: 41–53.

Мельвиль, А. Ю., Стукал, Д. К., Миронюк, М. Г. 2012. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности. *Полис. Политические исследования* 2: 23–46.

Пантин, В. И. 2017. Период 2017–2025 гг.: перелом в мировом развитии. *История и современность* 1: 3–27.

Пантин, В. И., Лапкин, В. В. 2014. *Историческое прогнозирование в XXI веке: циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития*. Дубна: Феникс+.

Парсонс, Т.

1993. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. *THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем* 2(1): 94–122.

1998. *Система современных обществ*. М.: Аспект Пресс.

Сорос, Дж. 1999. *Кризис мирового капитализма: Открытое общество в опасности*. М.: ИНФРА-М.

Умов, В. И., Лапкин, В. В. 1992. Кондратьевские циклы и Россия: прогноз реформ. *Полис. Политические исследования* 4: 51–63.

Токарев, А. А. 2017. Сецессии на посткоммунистическом пространстве: квантификация факторов влияния. *Полис. Политические исследования* 4: 106–117.

Parsons, T.

1966. *Societies. Evolutionary and Comparative Perspectives*. New Jersey: Prentice-Hall.

1967. *Sociological Theory and Modern Society*. New York: Free Press.

Tausch, A. 1998. *Submerging Markets. The Development Marathon, 1960–2000, and Its Lessons for East Central Europe*. URL: <http://wsarch.ucr.edu/archive/books/tausch/marathon/submergl.htm>.

Wallerstein, I. 2008. *The Demise of Neoliberal Globalization*. Binghamton, NY: Fernand Braudel Center, Binghamton University. URL: <https://www.binghamton.edu/fbc/226en.htm>.